

— Лин-гэ... — голос Цзян Яня дрогнул.

Линь Хуайань не ответил, лишь слегка пошевелил рукой.

...

Осознав, что ладонь Линь Хуайаня скользит вдоль позвоночника всё ниже, Цзян Янь с трудом пришел в себя. С покрасневшими глазами, в которых застыли слёзы, он обернулся и перехватил шаловливую руку Линь Хуайаня. Его голос звучал слабо, с едва уловимыми всхлипами:

— Лин-гэ...

Линь Хуайань наконец отстранился и отпустил его.

Цзян Янь, ещё не оправившись от нахлынувших ощущений, прислонился к стене и тяжело дышал. Он обернулся, чтобы посмотреть на Линь Хуайаня. Тот выглядел так, словно ничего не произошло, — на лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул.

Сердце Цзян Яня, только что бешено колотившееся в груди, вдруг словно сковало льдом. Он перебирал пальцами край одежды, хотел что-то сказать, но промолчал и в итоге отвернулся, чтобы продолжить мыться.

Одежда Линь Хуайаня выглядела помятой, особенно воротник: пуговицы были расстёгнуты, обнажая полоску кожи. Сейчас он стоял у входа в ванную, не сводя глаз со спины моющегося Цзян Яня.

Наблюдать за мужским телом с такого близкого расстояния Линь Хуайаню довелось впервые в жизни. Однако, как ни странно, он не почувствовал ни малейшего дискомфорта или отвращения. Напротив, в душе поднялось странное, необъяснимое чувство. Оно было новым и пугающим, заставляя его невольно смотреть дальше, будто невидимая сила приковывала его взгляд.

*

Какое-то время Цзян Янь старался держаться от Линь Хуайаня подальше, хотя по-прежнему исправно приносил ему еду.

После того случая в ванной он не понимал, как себя вести. Всё это было слишком странно и мучительно. Сердце словно зависло в пустоте: хотелось быть ближе, но разум твердил обратное.

В конце концов, Линь Хуайань его не любит. А так навязываться — значит ронять своё достоинство, вести себя бесстыдно, словно дешёвый мальчик по вызову, выпрашивающий ласки. Это было унижительно.

Линь Хуайань в последние дни отчётливо замечал отстранённость Цзян Яня. Он искренне не понимал: разве Цзян Янь не любит его? Разве то, что он сделал, не должно было осчастливить парня? Точно так же, как это было с его матерью.

Линь Хуайань ничего не смыслил в чувствах. Единственным примером любви, который он видел, была безответная, почти навязчивая страсть его матери к отцу. Из такого уродливого примера невозможно было вынести правильный урок, и Линь Хуайань стал тому прямым подтверждением.

— Ты меня избегаешь? — Линь Хуайань преградил Цзян Яню путь у входа в общежитие.

Цзян Янь теребил край форменной куртки, закусил губу и, покачав головой, ответил:

— Нет.

Линь Хуайань посмотрел на него:

— За эти пять дней мы не проронили ни слова.

Цзян Янь не ожидал, что Линь Хуайань обратит на это внимание. В конце концов, раньше того вообще не волновали подобные мелочи. Или, вернее сказать, его никогда не интересовал сам Цзян Янь.

Видя, что Цзян Янь молчит, Линь Хуайань продолжил:

— Это из-за того, что мы делали в ванной?

Цзян Янь не ожидал, что тот заговорит об этом в лоб, и от стыда у него моментально покраснели уши.

Линь Хуайань, однако, не позволил ему уйти от ответа:

— Я прав?

Цзян Яню оставалось лишь молча кивнуть, не в силах скрыть пылающие уши.

— И только из-за этого ты меня избегаешь? — Линь Хуайань был озадачен. — Тебе ведь это

нравилось?

— Нравилось, — выдавил Цзян Янь, борясь с неловкостью, — но ты меня не любишь.

Линь Хуайань нахмурился:

— Но мне нравится делать это с тобой. Ты не хочешь? Тогда забудь.

<http://bllate.org/book/20720/2073247>